

Ю.Л. Шапова

## СТЕКЛЯННЫЕ ПОТИРЫ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ СВЯЩЕННЫХ СОСУДОВ

Потир – распространенное греческое название сосуда для причащения. Он состоит из чаши на высокой ножке, укрепленной на подножке. Современные потиры, как правило, изготовлены из драгоценных металлов или из металлических сплавов на серебряной, медной или оловянисто-свинцовой основе; они могут быть из камня, дерева, керамики, стекла и других подручных или нетрадиционных материалов<sup>1</sup>. Потир в целом или его элементы могут быть декорированы. Сюжеты декора строго религиозного содержания.

Современный обряд причащения с сопровождающими его принадлежностями – не единственный, а один из некогда известных. Причастие совершалось по-разному: в одних случаях верующие поочередно припадали к сосуду, отпивая глоток, в других – высасывали вино из потира через специальные трубки из золота или серебра, называвшиеся *salamus* или *syphon*; со временем стали причащать лжицей. В века гонений христианства таинства совершались в катакомбах. Кровь Христову подавали в евхаристических чашах – невысоких полусферических сосудах диаметром 8–10 см, в отличие от потиров без ножек.

Сосуды для причащения бывали разными: большими и малыми, общими и индивидуальными, принадлежавшими церкви или частным лицам, которые приносили их из дома. Известно, например, что в эпоху Василия Великого (329–379) всякий мирянин в Египте (в Александрии), имел специальный сосуд (*κοίπονια*) для домашнего причащения и причащался, когда хотел. Об этом свидетельствуют Иустин, Тертулиан и Киприан. Святые дары носили завернутыми в полотенце (*οραγία*) или в сумке, повешенной через шею на ленте, иногда в чаше – золотой, серебряной или глиняной. Святые дары большим древняя церковь посылала на дом<sup>2</sup>.

Употребление стеклянных литургических сосудов, потиров и других было разрешено по официальному распоряжению папы Зефирина II (202–219) задолго до признания христианства в качестве государственной религии. Мотив был прост: “*Vasa quibus communicatur sunt vitrea, nam nos pauperes sumus in pravo espigion*”. Позднее стеклянные потиры были запрещены в западной церкви: один раз специальным актом, принятом на соборе в Реймсе в 803 г., спустя половину столетия запрет подтвердил еще раз папа Лев IV (847–856). Однако и распоряжение и запрет нарушали вплоть до середины X в.<sup>3</sup> Надобность повторно подтверждать запрет спустя почти половину сто-

<sup>1</sup> Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1, пол. 1. М., 1901. С. 249–250.

<sup>2</sup> Полный богословский энциклопедический словарь. Т. II. М., [1913]. С. 1911–1913; Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 395–396.

<sup>3</sup> Фармаковский М.В. Римские стеклянные печи // Известия Института археологической технологии. Т. 1. Пг., 1921. С. 96–98.

летия – красноречивый факт, свидетельствующий об устойчивой традиции их применения и, видимо, недостаточной силе запретов.

Замечательный специалист по истории стекла, бельгийский ученый проф. Жозеф Филипп называл “сосудами на ножке” небольшие потиры. Потир, или *calix ministerialis*, в его понимании, – это тот же сосуд на ножке, но большой, с толстыми стенкам, с декором на религиозные темы<sup>4</sup>. Ж. Филипп установил, что небольшие “сосуды на ножке” мало изменялись на протяжении более двухсот лет (400–615), III–IV вв. он считал начальным этапом их истории<sup>5</sup>. Названия “сосуд на ножке” и потир в дальнейшем будут употребляться как синонимы.

Из сказанного становится очевидным, что ординарные стеклянные потиры (и другая церковная утварь) – признак не только достатка (бедность – состоятельность) или удаленности прихода от центра, но и признак времени: согласно археологическим материалам, в частности из Сард, они характерны для 400–615 гг.

История стеклянных потиров, восстанавливаемая по письменным источникам, ограничена периодом 200–855 гг. Время, для которого они наиболее характерны, 400–615 гг. Согласно письменным и археологическим источникам, история потиров делится на три почти равных отрезка: 200–400 гг., 400–615 гг. и 615–855 гг., каждый из которых должен бы характеризовать соответственно начальный, основной и инволюционный периоды истории потиров. Почти строгое следование статистическим закономерностям означает, что их эволюция разворачивалась во времени без заметного внешнего воздействия, т.е. естественно-исторически<sup>6</sup>.

Стеклянные потиры, известные археологически, происходят из слоев и памятников более поздних, X–XI, XI–XII вв. и даже XIV в.<sup>7</sup> Очевидно, что относительно полную историю стеклянных потиров можно восстановить, лишь сочетая письменные и археологические источники.

Небольшие сосуды на ножке, они же потиры, в археологической литературе называют рюмкообразными сосудами. Такое “строго научное” название было дано им, согласно стилистике эпохи<sup>8</sup>. Что касается назначения сосудов, то крупнейший английский исследователь стекла Д. Харден считал их сосудами для питья, а кто-то – светильниками. Н.П. Сорокина полагала, что они пригодны для обеих, а может быть, и для иных целей<sup>9</sup>. Согласно Н.П. Сорокиной, рюмкообразные сосуды, они же рюмки, бокалы, сосуды на высокой ножке, были широко известны, о чем свидетельствует литература

<sup>4</sup> *Philippe J.* Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie (V–XV siècle). Bologna, 1970. P. 46–51.

<sup>5</sup> *Ibid.* P. 69–72.

<sup>6</sup> *Шапова Ю.Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998. С. 53.

<sup>7</sup> *Dekówna M.* Recherches sur la technique d'exécution des objets en verre du Haut Moyen Age // *Annales du 9-e CAIHV.* Liège, 1985. P. 157–179; *Кузнецов В.А.* Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований) / Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. Пользуясь случаем принести благодарность В.А. Кузнецову, предоставившему для химико-технологического исследования стеклянные сосуды, найденные на городище Нижний Архыз и Змейском могильнике.

<sup>8</sup> *Сорокина Н.П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани.* М., 1963. С. 134–174; *Шапова Ю.Л.* Спектральный анализ стеклянных сосудов из античных слоев Таманского городища // Там же. С. 171–174.

<sup>9</sup> *Сорокина Н.П.* Указ. соч. С. 143–151. Примеч. 22–48.

предмета приводимая ею<sup>10</sup>. От этих сосудов сохраняются главным образом ножки, поэтому именно им она уделила большое внимание. Она установила, что высокие ножки составляли заметную часть находок в культурном слое городов Причерноморья – Пантикапея, Херсонеса, Потиунта, Себастополис-Диоскуриады, а также Таманского городища, городища у с. Михайловское; а вот в могильниках позднеантичного и раннесредневекового времени они редки.

Представление о потирах, приносимых из дома, хорошо согласуется с относительно свободной стратиграфией и топографией интересующих нас находок в культурных слоях городов и городищ. Отслужившие свой срок потиры оказывались в бытовом мусоре, которым заполнены херсонесские цистерны “Г”, “Л”, подвал “В” и др. Эти находки, если и не поддерживают версию о “домашних” потирах, то и не противоречат ей: присутствие в бытовом мусоре приоткрывает, возможно, прозаическое отношение к ним. Далее, когда специальное назначение таких сосудов очевидно, то они будут называться потирами, во всех остальных случаях – сосудами на ножке.

Стекланный потир был пропорционально строг и точно рассчитан, функционально удобен, прост, легок и устойчив, его глубокая чаша могла долго сберечь содержимое. Потир из-за хрупкости материала был непрочным и часто ломался, но в сравнениях с металлическими или глиняными имел неоспоримые преимущества: был недорогим и гигиеничным<sup>11</sup>. Вся эстетика таких сосудов – строгость. Четких критериев для различения назначения сосудов на ножке нет. Может быть, более свободная эстетическая концепция, светский характер декора могли бы характеризовать сосуды светского назначения. Потир – один из культовых сосудов.

Стекланные культовые сосуды – это целый комплекс, в который входили, кроме потиров, лампы, большие и малые бутылки (бальзамарии). Именно такой набор сосудов (в сопровождении оконного стекла) был найден на месте византийской церкви в Хибар аль-Карак (Khibar al-Karak), которая находилась к югу от Тивериадского озера, и в ряде других мест на Ближнем Востоке, датируемых IV–VII вв.<sup>12</sup> Соседство находок ритуальных сосудов и оконного стекла друг с другом и их связь преимущественно с церковными постройками не должна бы вызывать сомнений, несмотря на уместность подобных вещей в гражданских постройках: оконное стекло и лампы являются частью символики, связанной с христианскими представлениями о свете и его источниках.

Действительно, находки в Апамее, датированные IV–V вв., топографически связаны и с гражданскими постройками, и найдены и с церковными. Лампы и сосуды на ножке такие же, как в Апамее, широко известны. Р. Пирлинг приводит список мест находок – Передний Восток, Египет, Кипр, Греция, Балканы, Италия, Южные Альпы (лангобардский замок), Ломбардия, Восточное Средиземноморье, Малая Азия и Болгария в IV–VI вв.<sup>13</sup> Чрезвычайный интерес представляют малоазийские находки, прежде всего комплекс из раскопок в Сардах, большая часть которого отне-

<sup>10</sup> Там же. С. 143–153.

<sup>11</sup> Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 75–77, 88–89.

<sup>12</sup> *Philippe J.* Op. cit. P. 62–68.

<sup>13</sup> *Pirling R.* Die römischen und byzantinischen Glasfunde von Apamea in Syrien // *Annales du 7-e Congrès International d'Etude Historique du Verre.* Liege, 1978. S. 142–147 (с литературой).

сена ко времени 400–615 гг. Общее количество находок – ок. 1000 экземпляров, особенно много обломков стенок и ножек (от ламп и рюмок). Сосуды и рассеяны в культурном слое, и найдены в заполнении помещений, называемых магазинами, из которых одно исследователи назвали “Glass Shop”. Обнаруженные в нем бальзамарии, блюда, тонкие стаканы, лампы (с ножкой) и некоторые мелочи сервировки стола напоминают традиционные формы посуды позднеримского и, как мне представляется, ранневизантийского времени. Эти формы были хорошо известны и на периферии империи, и в Египте, и сасанидском Иране, в Палестине, в самой империи и в ее столице<sup>14</sup>.

Кроме египетской, палестино-сирийской и иранской зон, где развитие традиций римского стеклоделия продолжалось в ранневизантийский и исламский периоды, существовали европейские зоны, для которых Константинополь был естественным центром. Так, например, по некоторым сведениям, в Констанце были стекольные мастерские, в которых изготавливали оконное стекло, стаканы и чаши на высокой ножке. Эту западнопричерноморскую продукцию можно было бы считать аналогом продукции мастерских в Равенне, Аквилее, Торчелло, Инвиллино и на Кастельсеприо, о которых упоминает Ж. Филипп, говоря о стеклоделии в византийской Италии V–XI вв. Конечно, культовые аксессуары, изготовленные из стекла, которые являются предметом нашего рассмотрения, – это малая часть того, что находилось в ежедневном потреблении или было частью парадного церемониала. Достаточно напомнить о хоросах, оконных стеклах, о богатом мозаичном убранстве уличных строений, дворцов и храмов. Однако нельзя не замечать той роли, которую ритуальная посуда из стекла играла в религиозной жизни вообще и в особенности в жизни жителей среднего и малого достатка в больших и малых городах и поселениях<sup>15</sup>.

Историко-культурный аспект древнего стеклоделия не исчерпывает всей сложности проблемы, знание технологии и химии – обязательная составляющая в его изучении.

Главный источник информации для нас – ножки сосудов. Они могут иметь разную форму и могут быть изготовленными по-разному: одновременно с основной частью сосуда и являться ее продолжением, таких ножек обнаружено 93%. Ножек, сделанных отдельно, 7%. Они могут быть сплошными и полыми, составлять с подножкой целое или две разных части<sup>16</sup>. Кстати сказать, такая экономичная технология изготовления сосудов на полной ножке (потиров и ламп) родилась в эпоху раннего христианства.

М. Декувна обратила внимание на некоторые хронологические и территориальные различия: полые ножки VI–VIII вв. известны в Северном Причерноморье, на Балканах, в Закавказье, правда, только в Западной Грузии, и к северу от Альп; монолитные ножки принадлежат сосудам X–XI вв. Все другие свойственны как V–VI, так и X–XI вв.<sup>17</sup>

В таких городах, как Сарды, Пантикапей, Херсонес, Германаса, в крымских могильниках, Чуфут-кале и Эски-Кермен, в северно-кавказских,

<sup>14</sup> *Harden D.B.* Glas from Karanis. Univ. of Michigan, 1936. P. 40. *Philippe J.* Op. cit. P. 68–81.

<sup>15</sup> *Philippe J.* Op. cit. P. 84–100 (с подстрочными примечаниями и литературой).

<sup>16</sup> *Dekówna M.* Op. cit. P. 157–179.

<sup>17</sup> *Ibid.* P. 167, 173, со ссылками на литературу.

Чми, Балта, хронологические различия не столь очевидны. Сосуды на ножке бытовали в VI – начале VII в., затем в X–XI вв.<sup>18</sup>

Замеченные различия в составах стекла имеют хронологический смысл: часть из них связана с ранневизантийской, ведущей свое начало от римской, школой стекловарения<sup>19</sup>. В таких же византийских традициях изготовлены сосуды на ножках, происходящие из египетской стекольной мастерской VI–VII вв.<sup>20</sup>

Сюжет о месте и времени изготовления таких сосудов можно дополнить, обратившись к результатам археологических исследований стекольных мастерских, материалы которых были изучены мною в музейных собраниях или непосредственно на месте раскопок. Примечательна продукция из стекольной мастерской в Херсонесе IV–V вв. Это потиры, именуемые рюмками, лампы, небольшие бутылки, названные бальзамариями, и оконное стекло<sup>21</sup>. Стекло, из которого была изготовлена эта продукция, было сварено в традициях ранневизантийского стеклоделия<sup>22</sup>.

Еще одна мастерская была открыта на вилле Бела Вода на территории византийского диоцеза Мезия (Болгария, к юго-западу от современного г. Перник, раскопки В. Любеновой)<sup>23</sup>. Мастерская, по мнению автора, существовала в ранневизантийское время (IV–VII вв.). Здесь делали все те же сосуды на ножке, т.е. потиры, лампы, бальзамарии и оконное стекло из стеклянной массы, сваренной в традициях ранневизантийского стеклоделия<sup>24</sup>. В той же Мезии была открыта еще одна мастерская на территории современного города Сандански. Основной ее исследователь В. Попова-Мороз датирует ее V в.<sup>25</sup> В ней также делали потиры, лампы, бальзамарии и оконное стекло. В зоне мастерской были найдены остатки товарной фритты.

Фритта (в стеклоделии) – это продукт стекловарения на его первом этапе. Разделение процесса стекловарения на этапы позволяло прервать его в одной мастерской и продолжить затем в другой и в иное время. Мастерская в Сандански является примером такой другой. Стекло в мастерских подобного типа варили из *привезенной* фритты.

Превращение первого технологического этапа обычно непрерывного процесса в обособленный (временем и местом) этап стекловарения – это достижение византийской мысли. Это нововведение гарантировало стабильный химический состав и высокое качество стекла в мастерской, отстоящей на сотни километров от метрополии и месторождений сырья<sup>26</sup>.

<sup>18</sup> Сорокина Н.П. Указ. соч. Рис. 3, 7, 9. С. 140, 145–154.

<sup>19</sup> Шапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 94–99. Рис. 13–15.

<sup>20</sup> Bimson M., Freestone I.C. The Discovery of an Islamic Glass-making Site in Middle Egypt // *Annales du 10-e Congrès de l'AIHV*. Amsterdam, 1987. P. 237–243. Fig. 4.

<sup>21</sup> Белов Г.Д. Стеклоделие в Херсонесе // *СА*. 1956, № 3. С. 237–239. Монеты Феодосия I (379–395) и Зенона (474–475 и 476–492) определяют ее хронологию.

<sup>22</sup> Шапова Ю. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983. С. 153–157; *Она же*. Византийское стекло... С. 40–41.

<sup>23</sup> Пользуюсь случаем принести благодарность В. Любеновой за предоставленную возможность изучить ее материалы.

<sup>24</sup> Шапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 35–40.

<sup>25</sup> Пользуюсь случаем принести свою благодарность Ване Поповой-Мороз за предоставленную в свое время возможность изучить неопубликованные материалы и за особое дружеское участие во время моего пребывания в Болгарии в 1989 г.

<sup>26</sup> Шапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 44–50.

Технологический процесс, характерный для мастерской в Сандански, оказался свойственным еще одной мастерской, которую открыла Э.Я. Николаева на территории поселка Ильич на Тамани<sup>27</sup>. Стекло и здесь варили из фритты, а затем выдували потиры, лампы, бальзамарии и оконное стекло. Кроме изделий собственной мастерской на исследованной территории памятника были найдены стеклянная посуда и оконное стекло, изготовленные в иных производственных традициях и попавшие сюда в виде готовой продукции<sup>28</sup>. Иначе говоря, изготовление изделий в собственной мастерской не исключало их ввоза. Более того, такая мастерская, как правило, функционировала не более пяти лет: этот срок определялся сроком эксплуатации стекловаренной печи. Небольшая мастерская обеспечивала потребности населения ближайшей округи в течение короткого времени. Может быть, недолговечность – один из признаков такой специализированной мастерской? Есть и другие признаки: отсутствие производственного брака, сломанных инструментов, остатков отслуживших свой срок конструкций, стен и т.д. Такие приметы можно было бы связывать с представлением о “бродячих мастерах-стеклоделах”, которое присутствует в специальной литературе первой половины XX в.

Известно еще несколько стекольных мастерских, открытых археологически. В античном городе Новы (на Дунае), согласно Е. Ольчаку, производили посуду и оконное стекло в первой половине IV в.<sup>29</sup>; на острове Торчелло в большой мастерской с конца VI и до середины VII в. (до 639 г.), делали и потиры, и лампы, и бутылки (бальзамарии)<sup>30</sup>. Давно замечено, что некоторые мастерские так или иначе были связаны с возведением храмов, вслед за чем возникала надобность в их остеклении и в культовых сосудах<sup>31</sup>. Сочетание исторической, археологической и историко-культурной информации, пусть не всегда внятной и однозначной, позволило выявить многое из того, что характеризует стеклянные потиры, их происхождение, хронологию, химический состав и технологию, а также эстетику и специфику самого обряда причащения в пору их бытования. Тема о стеклянных потирах в основных и общих чертах, казалось бы, себя исчерпала.

Однако неожиданное открытие 1977 г. остатков кораблекрушения в проливе между островом Родос и материком, недалеко от г. Мармарис, заставляет продолжить сюжет. Находки на месте очень разные, от монет до бытовых вещей, среди прочего богатства – стеклянные сосуды, ок. 200 экземпляров различных форм и цвета, среди них и подлинные сокровища: стакан с резным изображением льва, бутылка и кувшин с резным декором, горло бутылки, край и середина тарелки пурпурного цвета, обломки синих бутылок и синяя ручка кувшина<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> Николаева Э.Я. К вопросу о стеклоделении на Боспоре // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. “Достижения советской археологии в XI пятилетке”. Баку, 1985. С. 275–276.

<sup>28</sup> Щанова Ю.Л. Византийское стекло... С. 41–44.

<sup>29</sup> Olczak J. Piec szklarski // *Novae-sector zachodni* 1974. Cz. 1/ UAM. Poznań, 1978. S. 127–137.

<sup>30</sup> Leciejewicz L., Tabaczynska T., Tabaczynski S. Torcello. Scavi 1961–1962. Roma, 1977.

<sup>31</sup> Arbmán H. Schweden und Karolingisches Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts. Stockholm, 1937. S. 26–27, 67–80; Фармаковский М.В. Указ. соч. С. 96–98.

<sup>32</sup> Bass G.F. Glass Treasure from the Aegean // *National Geographic. Official Journal of the National Geographic Society*. Washington. Vol. 153. N 3. P. 768–793.

Расположение находок на корабле позволяет думать, что корабль был “грузо-пассажирский”, имел каюту и груз, палубный и трюмный: амфоры (с вином) и бесформенные глыбы стекла, брак изделий на разных стадиях изготовления, отходы и осколки готовых сосудов. По соображениям Ф. Доорника, это был или торговый груз, или балласт общим весом около трех тонн. По его же наблюдениям, трюмный груз был доставлен на корабль в корзинах и расположен в некотором порядке: по борту и по средней линии. (Продолжая работу над этими материалами, автор переименовал место катастрофы, назвав его заливом Серсе, на это надо обратить внимание во избежании библиографической путаницы в дальнейшем<sup>33</sup>).

Это открытие – сенсация в научном мире. Дискуссии, которые она породила, продолжают по сей день. Тем для дискуссий несколько: когда произошла катастрофы, кому принадлежал корабль, откуда и куда он направлялся, что представлял собою трюмный груз.

Датирование катастрофы оказалось для археологов простым и легким профессиональным делом. По византийским монетам 998–1035 гг. и гирькам египетского халифа ал-Хакима (996–1021) и его наследника (1021–1035) Г. Басс, предложив на рассмотрение две даты, – 1021–1022 гг. или 1024–1025 гг. – предпочел датировать крушение 1025 г.

Свое понимание принадлежности корабля, происхождение и назначение груза он вынес в заголовок статьи. Читатель не должен сомневаться: в первой четверти XI в. фатимидский корабль вез битое стекло для византийских стеклоделов<sup>34</sup>.

В центре внимания исследователей остались две темы: предназначение и происхождение груза (ответ на последний вопрос должен был закрыть дискуссии откуда, куда и зачем шел транспорт). Р. Брилл, посетивший место работ, высказался по этому поводу хрестоматийно и неопределенно: глыбы стекла – это сырой материал (для стекловарения), которым в разное время торговали, снабжая стекольные мастерские в разных странах<sup>35</sup>. А Марко Верита подошел к находкам более профессионально. Все 11 000 фрагментов он назвал “дисками”. Описывая их, он отметил не совсем понятные ему детали: отоженное углубление, приподнятый и утолщенный край и отверстие в “диске”, возникшее в момент вращения (сосуда). Сопоставив его описания “дисков” с классификацией ножек “сосудов на ножке”, которую разработала М. Декувна, можно понять, что “диски” М. Вериты есть не что иное, как ножки и подножки потиров<sup>36</sup>. Именно подножки потиров составляли основную массу стекольного боя. Стекольный бой действительно использовали в стеклоделии, но не в стекловарении. Даже в наши дни из разогретого стекольного боя делают вещи в технологиях захолустной кустарной промышленности, в большом производстве стекло выгоднее варить непосредственно из сырья, добавляя в шихту только свой собственный бой, состав которого известен, а не тот, состав и качество которого неизвестно. Условия использования боя и полуфабрикатов и производственно-техниче-

<sup>33</sup> *Doornick F.H. van.* The Serçe Liman Shipwreck: an 11-th Century Cargo of Fatimid Glassware Cullet for Byzantine Glassmakers // 1-st International Anatolian Glass Symposium. April, 21-th–27-th 1988. Istanbul, 1990. P. 58–63.

<sup>34</sup> *Bass G.F.* The Nature of the Serce Limani Glass // JGS. 1984. Vol. 26. P. 64–69.

<sup>35</sup> *Bass G.* Glass Treasure... P. 780–785; *Doornick F. van.* Op. cit. P. 58–60.

<sup>36</sup> *Dekówna M.* Op. cit. P. 160. Fig. 3, I, A, 3, бβ.

ские возможности средневековья недостаточны для их использования в стекловарении.

Если приводимые производственно-технологические аргументы можно не принимать во внимание, то историко-культурный контекст эпохи, в который нужно вписать 11 000 подножек потиров, не учитывать нельзя.

Очевидно, что необходимо заново рассмотреть известные наблюдения и факты и предложить их новое понимание, а затем и новую гипотезу происхождения “сосудов на ножке”. Новая гипотеза – это хронологические рамки, в которые впишется история бытования и функция этих сосудов, их место в православной литургике и в истории христианства, их права называться стеклянными потирами. (Самое название – потир – выделяет их из круга обыденного.) Под этим углом зрения и будет рассмотрен груз затонувшего корабля.

Итак, в эпоху, отмеченную стеклянными потирами IV–XI вв., принадлежность к христианскому культу несомненна, связь же сосудов на ножке с причащением, на взгляд скептиков, кажется недостаточно доказанной. Таким образом, нужно найти основания, чтобы опровергнуть утвердившееся мнение о связи “сосудах на ножках” с исламской культурой и с производством стекла в халифатах, особенно ок. 1025 г. (время кораблекрушения).

Детальное исследование средневековых сосудов Средней Азии, жители которой исповедовали ислам, обнаружило важные для нашей гипотезы данные. В *общей классификации* стеклянной посуды интересующие нас сосуды указаны лишь однажды как бокалы в группе столовой<sup>37</sup>. В действительности, авторы ведут речь только о сосудах, найденных в Куве (соврем. Узбекистан), которые они датируют XII в.<sup>38</sup>

Эти находки не имеют отношения к нашей теме, поскольку они моложе рассматриваемых на целое столетие. Среди среднеазиатской стеклянной посуды IX–XI вв. “сосудов на ножке” нет<sup>39</sup>. Такой научный факт как находки “сосудов на ножке” в слое IX–X вв. в среднеазиатской Нисе, как заметила Н.П. Сорокина<sup>40</sup>, требует уточнений.

Среднеазиатское средневековое стекло – единственный пример монографической разработки темы мусульманского мира. Имеющийся объем данных достаточен для того, чтобы утверждать, что “сосуды на ножке” были чужды мусульманской культуре X–XI вв.<sup>41</sup> Приведенные сведения порождают законный вопрос: можно ли вывозить в больших количествах то, что не употребляют, и, видимо, не производят. Скорее, нет. Таково мое отношение к первому аргументу относительно происхождения груза затонувшего корабля.

<sup>37</sup> Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии. Ташкент, 1963. С. 213; Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Вторая половина VIII – начало XIII в. Ташкент, 1986. С. 15.

<sup>38</sup> Ахраров И. Стеклянные сосуды средневековой Кувы // Труды АН УзССР. Отделение гуманитарных наук. Ташкент, 1960. № 4. С. 22–28; Абдуразаков А.А. Средневековые стекла Кувы // Научные работы и сообщения Отделения общественных наук АН УзССР. Кн. 7. Ташкент 1963. С. 237–245.

<sup>39</sup> Армарчук Е.А. Опыт классификации стекла средневекового Хорезма // Материальная культура Востока. Ч. II. М., 1989. С. 238–239. Табл. I–IV на с. 246–250.

<sup>40</sup> Сорокина Н.П. Указ. соч. С. 150.

<sup>41</sup> Lamm K.J. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd. 1–2. Berlin; Leipzig. 1928–1930.



Второй аргумент – исламское происхождение находившегося на борту резного художественного стекла. Профессор Доорник нашел аналогии среди резного стекла Двина двум из них и справедливо предположил, что вещи, найденные на корабле, происходят оттуда же, откуда такие же вещи попали в армянский Двин<sup>42</sup>. Свое мнение о византийском происхождении двинских аналогов этим двум я подробно обосновала, апеллируя к их архитектонике, составу стекла и технологии, последним двум отведена центральная роль<sup>43</sup>.

Ход работы над стеклом с резным декором изложен в книге, посвященной византийскому стеклу<sup>44</sup>. В разработку научной проблемы – византийское стекло – была вовлечена огромная информация, которую содержат археологически известные стеклянные изделия эпохи. Кроме данных о форме, декоре, цвете и размерах сосудов, была использована информация об их морфологии, химическом составе стекла, о технологии изготовления, метрике изделий и т.д. Информация, а не только исходные эмпирические данные, была учтена, проанализирована, обработана и интерпретирована с помощью многих современных приемов и подходов.

Традиционной и принятой большей частью научного сообщества версии об исламском происхождении резного стекла, начиная с IX в., я противопоставила версию его византийского происхождения. Родство римского и византийского резного стекла по линии предок – потомок несомненно. Исламское резное стекло появилось в IX в. внезапно, заявив о себе совершенством форм, декора, стиля и технологий, о чем свидетельствовали находки из Самарры, столицы халифата в 836–892 гг. Однако более ранний образец этого стиля происходит из японского храма Шоссон, он на столетие старше так называемого исламского.

Конец истории этого стиля в исламском стекле, именно стиля, такой же внезапный, как и его начало, и совпал он с приходом турок-сельджуков. С другой стороны, химико-технологическая основа процветания этого стиля та же самая, которая обеспечивала непрерывную эволюцию и развитие резного стекла Рима и Византии, начиная с III в. и до конца XII в. В круг изделий, родственных раннеисламскому резному стеклу с химико-технологической точки зрения, следует включать все резное стекло Восточной Европы, равно как и так называемое восточное стекло Северной Европы V–VI вв., а с морфолого-технологической – сосуды Ирана, Китая, Кореи и Японии<sup>45</sup>. Резные сосуды из четырех последних регионов С. Фукаи, в свою очередь, уподобляет находкам из Кёльна, Александрии и Восточного Средиземноморья. С его точки зрения парфяно-сасанидское и дальневосточное резное стекло вместе с римским, иранским доисламским и раннеисламским составляет единый мир, свидетельствуя о тесных культурных связях Вос-

<sup>42</sup> Doornick F.H. van. Op. cit. P. 63 со ссылкой на: Джанполадян Р.М. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. // Археологические памятники Армении. 7. Средневековые памятники. Вып. II. Ереван, 1974. Рис. 42, 48.

<sup>43</sup> Шапова Ю.Л. Византийское стекло... С. 214–224.

<sup>44</sup> Там же. С. 205–236.

<sup>45</sup> Scapova J. Византия и Север (по находкам византийских стеклянных изделий за пределами византийской метрополии // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996. D. 1214; Šcapova J. Byzance et monde musulman d'après les verres taillés des IV–XII siècles // XX-e Congrès International des Études Byzantines. Pré-actes. III. Communications libres. P., 2001. P. 291.

ток – Запад<sup>46</sup>. С моей же точки зрения, эта широкая панорама говорит и о другом: резное так называемое раннеисламское стекло – не самостоятельное историческое явление, а звено в цепи, в единой истории резного стекла от поздней античности до средневековья. Несомненное сходство резных сосудов с затонувшего корабля с раннеисламскими – не основание для суждений о маршруте корабля: с юга на север, из мусульманского мира – прямо на Балканы в Константинополь<sup>47</sup>.

Решить вопрос о месте изготовления стекол без знания его химического состава нельзя. Однако до сих пор сведений о его состав нет, и приходится довольствоваться “впечатлениями” о нем. Г. Басс и Р. Брилл от ответа на вопрос о происхождении стекол воздержались<sup>48</sup>. Ф. Доорник, который в исламском происхождении этого стекла не сомневался, отметил его удивительную однородность и сообщил факт, что 90% стекол имеет одинаковый химический состав, что оно сделано в одной мастерской (или в нескольких) в одно и то же время<sup>49</sup>.

В построение версии о византийском происхождении груза включены проверяемые прямые свидетельства и так называемые исчисляемые, т.е. надежные и легко доказуемые предположения первого порядка. Прямые свидетельства – это данные письменных источников и характеристика груза стекло-сокровище и стекло-балласт; сходство и родство технологии и химического состава резного стекла, основной части стекла-сокровища; возможное сходство химического состава и технологий изготовления ножек; кроме того, данные о хронологии и морфологическом разнообразии потиров. К числу прямых свидетельств можно относить мастерские по изготовлению стеклянных изделий, потиров в том числе. Исчисляемые свидетельства – дата кораблекрушения (ок. 1025 г., иногда указывают дату 1021–1025), а также ножки, конструктивный элемент специального сосуда – потира, место потиров в культуре причащения, специальное назначение мастерских, связь номенклатуры изделий (потир, лампы, бальзамарии, оконное стекло) с христианством, связь мастерских с христианизацией региона, их производственно-технологические особенности; византийское происхождение стеклянных сосудов (и сокровищ, и потиров).

Периодизации истории потиров может как-то прояснить некоторые моменты их происхождения. Рассмотрим ее еще раз, опираясь на новый прием периодизации, названный нами вычислительным. Он основан на простой идее: эволюция есть процесс естественно-исторический и поэтому закономерный. Продолжительность периодов можно рассчитать, приняв во внимание вариант нормального распределения, называемый квазинормальным. Такое распределение асимметрично, продолжительность явных этапов эволюции в таком распределении разная, и она соответствует правилу золотого сечения:  $5 : 3 : 2$ . В нашем случае история стеклянных потиров в самых широких пределах могла продолжаться  $1025 \text{ лет} - 200 \text{ лет} = 825 \text{ лет}$ .  $825 \text{ лет}$  нужно разделить на 10 частей:  $2 + 3 + 5 = 10$ .  $825 : 10 = 82,5 \text{ года}$ . Периодиза-

<sup>46</sup> Shinji Fukai. *Persian Glass*. Wtather-hill-Tonkosha. New York; Tokyo; Kyoto. (Whithout data. First english ed. 1977). P. 8–11, 21–27, 32–51.

<sup>47</sup> Doornick F.H. van. Op. cit. P. 63

<sup>48</sup> Bass G. *Glass Treasure...* P. 787.

<sup>49</sup> Doornick F.H. van Op. cit. P. 61; со ссылкой на: Barnes I.L., Brill R.H., Deal E.G., Piercy G.D. Lead Isotope Studies of Some of the Finds from the Serce Liman Shipwreck // *Proceeding of the 21th International Archeometry Symposium*. Washington, 1986.

ция истории стеклянных потиров, известная по археологическим данным, будет иметь следующий вид: 200–612,5–860,5–1025 гг. Скрытый этап инволюции равен еще 82,5 г. Кроме скрытого периода инволюции существует и скрытый период становления явления. Познеантичные формы ритуальных стеклянных чаш могли быть предшественниками христианских ритуальных сосудов, а сосуды на ножках, называемые иногда кибориумами, – непосредственными предшественниками потиров<sup>50</sup>.

Такую гармонию эволюционного процесса определяет внутренний потенциал явления и внутренние механизмы эволюции. Идея стеклянных потиров исчерпала бы свой потенциал естественно к началу XI в., к его концу надобность в них полностью исчезла бы. Каждая позиция в периодизации содержит исторический смысл: в самом начале, ок. 200 г. употребление стеклянной ритуальной посуды было разрешено (или рекомендовано) официально; к концу первого периода, к 612,5 г., ее потребление достигло оптимума. После 860 г. началась инволюция употребления потиров. Конечно, реальные границы этапов были не столь жесткими, но близкими к расчетным. Мету расхождения реального и расчетного можно понять, сравнив даты расчетного оптимума 612,5 г. и эмпирическую, 615 г., по Ж. Филиппу; расчетную дату начала инволюционного этапа, 860 г. и 847–856 гг., когда папа Лев IV запретил использовать стеклянную утварь. Оба совпадения можно считать случайными. В то же время можно полагать, что эти совпадения выражают некую тенденцию, и на этом основании считать, что папский запрет находился в логике событий своего времени. Его запретительные акты были связаны с процессом и, безусловно, повлияли на его дальнейшее течение.

Затонувший корабль, дата гибели которого завершает процесс, может быть, и является отдаленным последствием таких запретов? 11 тыс. ножек разбитых потиров (готовая продукция мастерской), глыбы недоваренного стекла, производственные отходы и цветные заготовки (для декоративных работ) – это все признаки деятельности стекольных мастерских, которые попадают в поле зрения их исследователей. Более того, удалось уловить приметы ликвидации мастерских во время раскопок так называемых малых мастерских, описанных выше. Никогда не находили сора и каких-либо производственных отходов.

Трюмный груз рассматриваемого корабля содержит приметы сознательно ликвидированной мастерской. Кроме того, огромно количество готовой продукции: во фрагментах были найдены 98 ламп для паникадил, 136 ламп-кубков, много разных бутылок и оконное круглое стекло и, напомню еще раз, 11 тыс. потиров<sup>51</sup>. На месте археологически исследованных малых мастерских находок немного, число находок на корабле огромно. Следовательно, масштаб производства был столь же велик. Цель, с которой создавались мастерские специального назначения, – обеспечение богослужения и отправление треб необходимыми условиями и средствами. Деятельность таких мастерских допускает регулирование (папские разрешения и запреты) деятельности и сбыта продукции, материальную поддержку и снабжение сырьем, напомню о фритте. Можно думать, что и ликвидация мастерских, отслуживших свой срок, была подчинена цели и определена правилом: убрать всякие

<sup>50</sup> Principes de description des verres anciens depuis les temps les plus reculés jusqu'au XIII siècle de n.è. / Red. M. Dekówna, J. Olczak. Warszawa; Toruń, 2002. P. 50–55. Fig. 8, 12.

<sup>51</sup> Doornick F.H. van. Op. cit. P. 61.

следы, уродующие среду обитания. Топография и планиграфия мастерской на вилле Бела Вода допускает подобное толкование (см. выше).

Можно было бы смоделировать последние моменты функционирования мастерской. Для этого производственные запасы и отходы, которые сохранил корабельный груз, нужно толковать как следы ее ликвидации. Судя по тому, что в распоряжении “ликвидаторов” был большой грузо-пассажирский корабль, пассажиры были людьми небедными, корабль имел на борту груз-сокровище (резные сосуды, изготовленные в константинопольских царских мастерских), остатки продукции ликвидируемой мастерской были принесены на корабль в корзинах, корзины были аккуратно размещены в трюме. Проводившаяся операция была не рядовой и на нее не пожалели ни сил, ни средств. Масштаб действий позволяет допустить, что за ними стояли церковные иерархи и светская власть, возможно, и сам император Василий II (976–1025), в последние годы царствования которого описываемые события происходили. Распутать эти запутанные связи возможно, если накопленные данные рассматривать вместе с общей историей стеклянных потиров и рассмотреть ее в ретроспективе.

Итак, начало XI в. – это конец явной истории потиров, их редкое потребление на завершающем этапе закономерно и бесспорно. Однако трюмный груз, очевидно, правилу противоречит. Подобное противоречие может быть устранено, если обратить внимание его скрытую суть: на смену старой форме причащения, индивидуальному причащению из собственного потира, пришла новая форма. Такое допущение бесспорно, хотя и не очевидно. Новая форма причастия – публичная: Тело (хлеб) верующий принимает из рук священника, Св. Кровь (вино), взятую лжицей из общего потира, священник вливает причащающемуся в рот. Старая и новая форма причащения связаны между собою по принципу предок – потомок. Переход от одной формы к другой – это эволюционный поэтапный процесс.

Согласно модели эволюционных процессов в археологическую эпоху, всякая будущая новизна зарождается на среднем этапе эволюции доминирующего явления, существующего в данный момент в развитой форме<sup>52</sup>. Согласно расчету, сделанному по такой модели, средний этап эволюции потиров начинается в 613 г. (612,5 г. точно по расчету, 615 г. по стратиграфии и находкам). Следовательно, первые лжицы, так будем называть предметы бесспорно ритуальные, должны были бы появиться ок. 613 г. Предметы неопределенного назначения или просто светские будем называть ложками. Действительно, ложки, преимущественно из серебра, в контексте церковного инвентаря *inter alia* появляются в VI–VII вв., лжицы же впервые названы *λαβίδα* на Фотиевом Константинопольском двукратном соборе в 861 г.<sup>53</sup> Пришедшее понимание новизны ритуала, сформировавшегося, видимо, к этому времени, надлежало закрепить терминологически. Время проведения собора точно совпадает с расчетным началом процесса инволюции потиров.

<sup>52</sup> Шапова Ю. Л. Эволюционные процессы в археологическую эпоху (числовая модель) // Эволюция. 2003. № 1.

<sup>53</sup> Taft R. F. Byzantine Communion Spoons: A Review of the Evidence // DOP. 1996. N 50. P. 224. Благодарю акад. Г. Г. Литаврина за указание на эту работу. В славянском переводе 10-го правила Собора перечислены “святыи потирь, или блюдо, или индитию, или лжицу, или глаголемьи аерь, рекше воздух...” – Кормчая (номоканон). Отпечатана с подлинника патриарха Иосифа. СПб., 1998. С. 576.

Вернемся к истории лжиц. В кругу сирийских ортодоксов лжицы и чаши употреблялись для причастия до Халкидонского собора. Причастие же в латинской традиции заключалось в том, что, приняв в руки хлеб, прихожанин запивал его вином из чаши, а лжицу употребляли для смешивания воды и вина в чаше; в Византии таким образом причащался только император, остальным, начиная с VII в., давали вино лжицей. На Востоке лжицы появляются в конце VIII в.<sup>54</sup>

В IX в. лжице был придан символический смысл. Согласно трактату *De oblatione*, автором которого является митрополит Иоанн из Дары, современник Дионисия из Теллмара (818–845) и его преемника Иоанна III (846–873), лжица (*tarvada*) символизирует Святой Дух, посредством которого мы получаем Тело божье, природу святого ангела, который первым узнает секрет и секретный божественный напиток, руку божью, которая берет прах и, придав ей форму, создает человека<sup>55</sup>. Р. Тафт подчеркивает, что если в трактате *De oblatione* не все ясно, то в первой половине X в. употребление лжицы было широко распространенным обрядом. Лжицы использовали по-разному.

Из сказанного очевидно, что потиры, рекомендованные к употреблению в начале III в., получили признание, и их изготовление, наряду с лампами, бальзамами, оконным стеклом, стало продукцией мастерских специального назначения. Первый запрет на стеклянные потиры наложил собор в Реймсе в 803 г., за ним последовали другие от имени папы Льва IV (847–856). На протяжении XI в. обряд причастия постоянно находился в поле зрения византийской церкви, но ни тогда, ни в настоящее время ни один ритуал не стал универсальным<sup>56</sup>. Судя по археологическим находкам, употребление стеклянных потиров в византийском мире имело место и в IX, и в X вв., причем бытовало не менее двух форм причащения – традиционная индивидуальная и новая, публичная. Правда, дело обстояло таким образом не повсеместно. Так, на Руси, которая приняла христианство в 988 г. сосудов на ножке нет<sup>57</sup>, западно-европейские потиры – это воронковидные кубки<sup>58</sup>. Похожие кубки на Руси употребляли в качестве ламп. Однако в обряде причащения, придворного и, можно сказать, столичного христианства, индивидуальная форма причастия к концу X в. себя изжила и сохранялась лишь на периферии, например, в болгарских Одерцах или на черноморском побережье Кавказа<sup>59</sup>. Археологические находки стеклянных потиров отмечают районы, подвергшиеся христианизации до XI в. Свое предназначение они исполнили ранее, к середине IX в. В течение следующих полутора столетий стеклянные потиры медленно и естественно исчезли из употребления.

Возможно, что сложная акция начала XI в. (1021–1025) и трагическое караблекрушение стали своего рода торжественными похоронами старой обрядовой формы. Таково то немногое, что можно прибавить к истории стеклянных потиров и к истории становления некоторых форм причащения, обратившись к археологическим находкам.

<sup>54</sup> *Taft R.L.* Op. cit. P. 209–238, со ссылками на А. Леклерка, М. Манделл Манго, Дж. Мейендорфа, О. Нуссбаума, А. Петровского.

<sup>55</sup> *Ibid.* P. 222.

<sup>56</sup> *Ibid.* P. 234–238.

<sup>57</sup> *Щаплова Ю.Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.

<sup>58</sup> *Arbman H.* Op. cit. S. 73. Abb. 10. Monat November.

<sup>59</sup> *Dekówna M.* Op. cit. P. 157–179; *Кузнецов В.А.* Указ. соч.